

таить — обманывали они меня. В медпунктите стоял гул, я «оказывала помощь». Вдруг совершенно неожиданно в медпункт вошёл Антон Семёнович и ахнул:

— Откуда столько больных? Чем больны? Что вы такое делаете, Надежда Ефимовна?

— Как что? Лечу...

— Что? Не приучайте их чуть что лечиться. — И ребятам:

— И не стыдно вам? Пальчик уколол, в носу защекотало? Разве вы старики? Умейте терпеть пустяковую боль. Ну-ка, живо!

Пристыженные ребята вмиг исчезли... Их как ветром сдуло... Антон Семёнович присел и вдруг сказал то, чего я совсем не ожидала:

— Это я при них так разбушевался, я вам скажу: это очень хорошо, что ребята тянутся к вам, копошатся около вас. Вы думаете, правда у них что-то колет или за ухом чешется? Нет, им нужна материнская ласка, участие... прикосновение тёплых материнских рук — вот что они хотят!.. И так хорошо, что они этого хотят.

Потом, помолчав, добавил:

— Но вы их к нежностям не приучайте, делайте это как-нибудь иначе, без марли и йода, ласкайте их так, чтобы они сами этого не замечали.

И ушёл.

«Им нужна материнская ласка»... Никогда не забуду, как он это сказал!

Ещё долго я работала с детьми и в самые трудные минуты постоянно вспоминала эти замечательные слова. Да, им нужна материнская ласка. И надо уметь их ласкать взглядом, улыбкой, кивком головы, добрым словом и при этом справедливо и много требовать. Как это умел делать Антон Семёнович.

Антон Семёнович всю свою жизнь посвятил детям. Уважать детей, видеть в них будущее Родины, смело воспитывать в детях лучшие качества советского человека учит нас светлая жизнь великого педагога — Антона Семёновича Макаренко.

В ПОЛТАВСКОМ УЧИТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ

В.Н. ТАРАСОВ

За тридцать восемь лет педагогической деятельности — два года в учительской семинарии и тридцать шесть лет в учительском и педагогическом институтах — у меня было большое число учащихся. Но из всех моих многочисленных учеников наиболее глубокий след в памяти оставил Антон Семёнович Макаренко, мой ученик в Полтавском учительском институте...

Макаренко был принят в институт в августе 1914 года, а в июле 1917 года окончил его. Таким образом, Антон Семёнович был моим учеником в течение трёх лет, с момента поступления в институт и до окончания его.

Впервые я встретился с Макаренко во время вступительного экзамена по русскому языку. Мне пришлось давать тему сочинения для поступающих и следить за выполнением работы: преподаватель русского языка и литературы в это время был занят.

Среди державших испытания, одетых преимущественно в пиджаки и рубашки-косоворотки и обутых чаще в сапоги, чем в ботинки, Антон Семёнович выделялся своим костюмом. На нём была белоснежная накрахмаленная сорочка с чёрным галстуком. Брюки были тщательно отглажены, ботинки начищены. Чёрный сюртук, плотно облегающий его фигуру, и пенсне на чёрном шнурке ещё более усиливали внешний контраст между Антоном Семёновичем и остальными поступающими.

Однако это не помешало Макаренко установить в первые же дни испытаний дружественные отношения с остальными экзаменуемыми. Антон Семёнович оказался человеком весьма общительным. Незадолго до начала испытания я наблюдал, как поступающие в институт окружили Макаренко тесным кольцом и слушали его с большим интересом. То же можно было видеть и во все последующие дни испытаний.

На первый взгляд Антону Семёновичу можно было дать лет за тридцать, хотя при поступлении в институт ему было только двадцать шесть. Несколько суровое выражение лица делало Макаренко старше своих лет, но достаточно было появиться на лице Антона Семёновича лёгкой улыбке, как оно становилось добродушным, приветливым. Особенно привлекали внимание его умные, серые глаза. Казалось, Антон Семёнович ими насквозь мог видеть человека.

Державшим экзамены было предложено написать «сочинение на рассуждение». От поступающих требовалось писать сочинение без черновика. На выполнение работы отводилось четыре часа.

Антон Семёнович сидел на парте первого ряда, и я мог хорошо наблюдать его за работой. Меня особенно удивило то, что, как мне казалось, Макаренко писал сочинение без особого напряжения; у него не было длительных пауз обдумывания, как это наблюдалось у других. Предварительно составленный план всей работы освобождал Макаренко от планирования темы по частям.

Антон Семёнович справился с заданием в два с небольшим часа. Это вызвало у меня такой интерес к его сочинению, что я решил просмотреть его работу. Сочинение было написано мелким, но чётким, красивым почерком. В нём не оказалось ни одного зачёркнутого слова, ни одного исправления. Работа была весьма хорошей по содержанию, логической последовательности, стилю и орфографии...

...В списке принятых в институт слушателей набора 1914 года Макаренко занимал одно из первых мест: удовлетворительная отметка (сноска: А.С. Макаренко не сдал закона божия, но, учитывая его отличные знания по другим предметам, ему поставили удовлетворительную отметку.) по закону божью, при отличных отметках по всем остальным дисциплинам, лишала Антона Семёновича права стать на первое место. Но богатые способности, умение работать и настойчивость дали возможность Макаренко исправить положение: во всё время пребывания в институте Антон Семёнович по успеваемости бесспорно стоял в своей группе на первом месте и окончил институт с золотой медалью.

У Макаренко было большое стремление к углублённому усвоению изучаемых дисциплин. Он основательно изучал рекомендуемую литературу; читал много книг и работал по первоисточникам; вообще чтение для Антона Семёновича было жизненной потребностью.

Он оценил книгу как источник обогащения знаниями и из получаемой стипендии (15 рублей в месяц) всё же находил возможным часть денег уделять на покупку книг. Никто из слушателей института не был таким частым посетителем книжных магазинов, как Макаренко. Он был в курсе новинок на книжном рынке, и мы, преподаватели, иногда узнавали о появившихся новых книгах от Макаренко.

У Антона Семёновича было и весьма бережное отношение к книге: взятые из моей личной библиотеки книги он всегда возвращал в обложке из газетной бумаги.

Особенно много Антон Семёнович читал по литературе и, кажется, делал первые шаги в области литературного творчества: в одно из посещений моей квартиры Макаренко сообщил мне о выступлении со своим литературным произведением в группе учительниц. Но, по-видимому, Антон Семёнович свои занятия литературным творчеством скрывал и от слушателей, и от преподавателей.

Макаренко уделял большое внимание и много времени чтению книг по истории.

Исторический отдел библиотеки только что открытого института не располагал в достоянии мере литературой по истории. Я предложил Антону Семёновичу пользоваться моей личной библиотекой. Макаренко с благодарностью принял предложение и стал частым посетителем моей квартиры. Этим было положено начало более близким отношениям, установившимся между мной и Антоном Семёновичем. Он изучал произведения историков В. Ключевского, Н. Кареева, Р. Виппера и других.

Весьма сильное впечатление произвёл на Антона Семёновича стиль произведений профессора Ключевского. Помню, как Макаренко, возвращая мне «Курс русской истории» Ключевского, с восторгом отзывался о сжатом, ярком стиле этого произведения. Противопоставления, к которым прибегает Ключевский в своём изложении, как: «русские князья владели Русью, не разделяясь, и переделяясь» или «князья нуждались не в учредительном уме, а в сабле», особенно нравились Антону Семёновичу. Восторгался Макаренко и характеристиками исторических деятелей в «Курсе русской истории», в особенности характеристикой царя Алексея Михайловича.

Из исторических деятелей наибольший интерес и симпатии вызывали у Антона Семёновича люди широкой инициативы, сильной воли и непоколебимой настойчивости, такие как Юлий Цезарь, Пётр I и другие.

Увлечение Макаренко историей и глубокие знания его по этой дисциплине отметил педагогический совет института в отзыве, данном Макаренко по окончании им института. В этом отзыве говорится, что Макаренко «особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым очень много читал и представлял прекрасные сочинения. Будет хорошим преподавателем по всем предметам, в особенности же по истории и русскому языку».

Хорошие знания по истории у Макаренко были отмечены в книге посещений института начальством и попечителем Киевского учебного округа профессором Деревецким, специалистом по древней истории.

Весной 1915 года Деревецкий присутствовал на экзамене по древней истории. Обстоятельный рассказ Макаренко об археологических раскопках Шлимана на месте древних городов Трои, Микена, Тиринфа и археолога Эванса на острове Крите очень понравился Деревецкому. Учебная программа 1872 года для учительских институтов не включала раздела о крито-микенском периоде истории Греции. Ещё более благоприятное впечатление произвёл Антон Семёнович на Деревецкого своими ответами на ряд вопросов, предложенных последним по другим разделом истории Древнего мира. За блестящие ответы профессор Деревецкий поблагодарил Макаренко.

Увлечение Антона Семёновича историей создало у слушателей института твердую уверенность в том, что Макаренко непременно станет в будущем учёным-историком. Один из слушателей института Ф.Я. Еремин, моложе Макаренко на один курс, в настоящее время преподаватель Омского железнодорожного электротехникума, пишет в воспоминаниях об Антоне Семёновиче: «Мы все говорили Макаренко, что он непременно будет профессором истории».

Хорошему знанию истории помогал метод работы Антона Семёновича над книгой. Макаренко, прочитывая труды по истории, делал из них выписки, иногда сопровождая последние своими замечаниями. С одной из тетрадей с такого рода выписками мне пришлось ознакомиться. Антон Семёнович просил меня просмотреть эту тетрадь и дать отзыв о проделанной им работе. Просмотр тетради доставил мне полное удовлетворение. Антон Семёнович прекрасно справлялся с выборкой материала из прочитанных книг. При этом запись представляла собой краткое конспектирование, но не списывание прочитанного. Антон Семёнович вносил в тетрадь и отдельные фразы, привлекавшие его внимание своим стилем.

Приобретённый Макаренко навык по конспектированию дал ему возможность весьма легко справиться с записью лекций преподавателей. Его записи были хотя и кратки,

но содержали всё основное из прослушанной лекции. Поэтому неудивительно, что слушатели института широко пользовались его конспектами.

Можно считать, что произведения Макаренко «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях» представляют собой чрезвычайно своеобразный научно-исторический труд, облечённый в литературную форму. В этих произведениях Антон Семёнович изложил не только историю возникновения и развития двух детских учреждений, представляющих собой сплочённые умелым руководством Макаренко воспитательные коллективы. Антон Семёнович — педагог-новатор, описывая свой опыт, показал в историческом аспекте сложный процесс внедрения в жизнь и творческого развития системы коммунистического воспитания. Он показал борьбу разных направлений в педагогике и торжество принципов материалистической педагогической науки, которую он так мощно двинул вперёд. И в то же время в этих научных и высокохудожественных литературных произведениях Антон Семёнович не мог не упомянуть исторических фактов отдалённого прошлого, используя последние как сравнительные образы. В «Педагогической поэме» мы встречаем и «боевого слона Дария Гистаспа», и «олимпийцев», и «архимедовский восторг», и «Рубикон» и т.д.

Антон Семёнович проявлял большой интерес и к искусству, в особенности к рисованию. Макаренко предполагал нарисовать несколько портретов наиболее выдающихся исторических деятелей, чтобы использовать эти портреты как наглядные пособия в высшем начальном училище при институте. Но призыв на военную службу в 1916 году помешал ему осуществить этот план. Макаренко удалось нарисовать только портрет Александра Македонского. Портрет был хорошо выполнен карандашом на большом листе александрийской бумаги и украшал одну из аудиторий института.

Любил Макаренко музыку, пение и был исключительно чуток ко всему изящному и красивому. Даже хороший переплёт книги радовал его глаз.

Антон Семёнович по своим дарованиям, по глубине научных знаний стоял значительно выше своих товарищей.

Сочинения Макаренко отличались от сочинений его товарищей глубиной мысли, обстоятельным содержанием, логической последовательностью и прекрасным стилем.

Особенно ярко выделялся Макаренко при разборе сочинений и уроков, даваемых слушателями во время педагогической практики. Замечания Антона Семёновича отличались глубиной анализа и были настолько содержательны, что после его выступления слушатели могли дополнить немного. Поэтому, чтобы поднять активность слушателей, приходилось предоставлять Макаренко слово для выступления в последнюю очередь. Отмечая в своём выступлении ошибки, Антон Семёнович указывал и пути к устранению этих ошибок. Но, стоя по знаниям выше своих товарищей, Антон Семёнович был очень скромен. Ему не нравилось, когда кто-либо из преподавателей выделял его из среды слушателей.

Отношения Антона Семёновича к своим товарищам отличались простотой и задушевностью; он охотно помогал им, если они встречали затруднения в своей работе; у него было весьма чуткое отношение к слушателям при разборе пробных уроков и письменных работ. Отмечая недочёты урока или письменной работы, Антон Семёнович всегда умел найти и положительные стороны. После его замечаний слушатель, даже допустивший существенные недочёты, не терял веры в свои силы и надежду на успех в дальнейшем.

Антон Семёнович жил интересами коллектива слушателей и был одним из активных членов последнего. В перерыве между уроками всегда можно было видеть Макаренко среди слушателей.

Будучи человеком весёлым и жизнерадостным, он умел передать своё бодрое настроение товарищам. Большое удовольствие доставляли слушателям рассказы Макаренко, полные юмора и остроумия. Любил Антон Семёнович и попеть вместе с товарищами в перемены между лекциями. В стройном хоре слушателей можно было всегда слышать баритональный голос Макаренко.

Благодаря богатым умственным способностям и глубоким знаниям Макаренко создал себе авторитет. Простотой и задушевностью своих отношений, своим общительным характером Антон Семёнович снискал себе расположение товарищей.

Этим и объясняется его значительное влияние на последних.

Обыкновенно слушатели института называли друг друга по фамилии или по имени, но Макаренко они называли чаще Антоном Семёновичем. Такое обращение было проявлением со стороны слушателей симпатии и уважения к нему.

Антон Семёнович пользовался любовью и со стороны преподавательского персонала. Макаренко был в наших глазах примерным слушателем. Мы ценили Антона Семёновича за его трудолюбие, настойчивость в достижении намеченных целей и инициативу.

Преподавательский коллектив был уверен, что у Антона Семёновича успешной будет не только педагогическая, но и научная деятельность.

Нравились преподавателям в Антоне Семёновиче его чистосердечность, доброжелательность, искренность.

Антон Семёнович часто бывал у меня на квартире, поэтому я знал его лучше, чем других слушателей института.

Наш встречи всегда сопровождалась беседами по вопросам истории. Обыкновенно Макаренко, возвращая взятую у меня книгу, делился впечатлениями о прочитанном, обращался с вопросами, которые возникли при изучении книги. Иногда он приходил ко мне с только что вышедшей новой книгой по истории. В таких случаях Антон Семёнович старался кратко ознакомить меня с её содержанием. Но наши беседы не ограничивались только вопросами истории.

Антон Семёнович подробно расспрашивал меня о постановке учебных занятий на историко-филологическом факультете университета и о жизни студентов, которые обучались на заработанные трудом средства. Макаренко, по моему совету, предполагал после окончания института поступить в университет.

Политические события первой половины 1917 года были предметом наших горячих беседований. Мы радовались: приближающаяся революция несла нам новую страсть в труде, новую жизнь. Мы много беседовали и по вопросу национального движения на Украине. Этому вопросу уделяли весьма большое внимание слушатели института, в котором украинцы составляли значительное большинство. Среди слушателей-украинцев было несколько человек, которых называли «самостийниками». Наиболее эрудированным принципиальным их противником был Антон Семёнович; он был в группе товарищей, стоявших на марксистских позициях разрешения национальных проблем, и жаркий диспут с «самостийниками» кончался обычно их полным идейным разгромом. В «Педагогической поэме» Макаренко дал очень острую сатиру на ханжество и жалкую ограниченность этих людей в образе «воспитателя» Дерюченко. В июле 1917 года Антон Семёнович окончил институт и перед отъездом из Полтавы зашёл ко мне. Это было последнее свидание с Макаренко. При прощании он заявил мне о своём решении поступить в университет.

В августе того же года я выехал из Полтавы в Тверь, так как был назначен преподавателем истории в Тверской (ныне Калининский) институт.

Антону Семёновичу не удалось поступить в университет и стать профессором истории, как желали того его товарищи по институту. Но Макаренко, отличавшийся большой инициативой, громадной силой воли и настойчивостью, обладавший высокими дарованиями, получил в нашей Советской стране богатейшие возможности. Он применил свой талант в педагогической и литературной деятельности и широко известен как педагог-писатель, проложивший новые пути в педагогической науке.

(Источник: Тарасов В.Н. В Полтавском учительском институте. Сб. материалов. — Лениздат, 1960. — С. 41–49.)

